

Е.А. Пушкаренко
Российская таможенная академия

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ В 1941–1944 ГГ.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье исследуется проблема идеологических и ценностных оснований нацистской пропаганды на оккупированной советской территории на примере Генерального округа Беларусь, 1941–1944 гг. Их основу составляли национализм, национал-социализм, русофобия и антисемитизм.

Нацистская пропаганда, политические ценности, национализм, антисемитизм, русофобия, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война.

В настоящее время Россия сталкивается с беспрецедентными историческими вызовами военно-политического и идейно-ценностного характера. В современных условиях тема исследования представляется актуальной и значимой. Анализ содержания немецкой пропаганды на территории оккупированных европейских стран, в том числе Советского Союза, позволяет выявить важные исторические аналогии. Цели нацистов заключались не только в физическом истреблении народов СССР, но и в искажении их картины мира, традиционных ценностных установок. Формирование новых политических убеждений должно было способствовать достижению ряда практических целей – пацификации тыла, привлечению населения занятых вермахтом районов и территорий к выполнению собственных военно-тактических и хозяйственно-эксплуатационных задач. Пропаганда была ориентирована на создание нового образа будущего, связанного с германским национал-социализмом. При этом политические ценности, навязываемые населению оккупированных территорий, во многом являлись калькой идеологических клише и пропагандистских штампов, тиражируемых министерством пропаганды Й. Геббельса.

Изучение нацистской практики влияния на массовое сознание населения захваченных территорий, его деформации и переформатирования в необходимом немецким властям русле мы проследили на примере одной из административных единиц министерства Остланд – Генерального округа Беларусь (в который входили в основном оккупированные районы Западной БССР). Эта часть территории БССР более трех лет находилась в зоне оккупации, что вынуждало немецкую администрацию постоянно совершенствовать как содержание пропаганды, так и ее средства. Полученные данные позволяют создать более целостное и объемное представление о германском идеологическом воздействии на Востоке, а также частично экстраполировать их на текущие политические события и процессы в мире.

Источниковой базой исследования послужили документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Минской области (ГАМО), Российского государственного военного архива (РГВА), в их числе оккупационные издания, листовки, газеты, распоряжения и отчеты представителей немецкой гражданской администрации.

Анализ историографии вопроса позволяет сделать вывод о недостаточной изученности проблемы. В советский период проблема рассматривалась в контексте советско-германского идеологического противостояния либо партизанской контрпропаганды [7]. Стоит отметить, что эта тенденция сохраняется и в последние годы [1; 2].

В 90-е гг. прошлого столетия немецкий исследователь Й. Шлоотц одним из первых провел общий анализ содержания немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь [19]. Польский исследователь Ю. Туронок выделил ряд отличительных черт немецкой оккупационной политики на территории округа [24]. Бабетта Квинкерт провела сравнение между реалиями оккупационного режима и содержанием пропаганды, сделав основной акцент на их сущностном противоречии, негативно отразившемся на эффективности идеологического воздействия на местное население [26]. В последние годы появилось достаточно много исследований, имеющих «региональную» привязку. Большая часть из них связана с изучением феномена и специфики немецкой пропаганды в пределах конкретной административной единицы в составе РСФСР [4; 5; 18]. Отдельные аспекты проблемы были рассмотрены автором ранее, в частности вопросы антисоветской пропаганды в округе [14], проблема использования национальной белорусской идеи в качестве инструмента пропаганды национализма [8]. Особенности национально-культурной политики немецких оккупационных властей посвящена работа белорусского историка Л. Лыча [23]. При этом вне исследовательского внимания до сих пор остаются ценностные и идейно-политические

аспекты немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 гг., поэтому проблема требует дальнейшего детального и системного изучения.

Основные акценты идеологической работы немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь были связаны с изменением ценностных установок и политических убеждений его населения. На смену советским идейно-политическим понятиям и категориям пришли ценности нацизма. Интернационализм был вытеснен национализмом, социализм и коммунизм – национал-социализмом. Внедрение в массовое сознание новых политических установок должно было сформировать не только новую картину мира и своего места в нем, но и служить практическим задачам и целям. Свое индивидуальное и коллективное будущее белорусы должны были связать с концептом т.н. «Новой Европы», политическую, идеологическую, морально-нравственную и правовую основу которой будет определять нацистская Германия. Как следствие, основные тематические направления немецкой пропаганды повторяли и развивали идеологические догматы, действовавшие на территории «рейха». Среди них следует указать национализм, антисоветизм, антисемитизм, русофобию, ненависть к полякам, миф о «Новой Европе».

Базисной политической ценностью, которая лежала в основе всей пропагандистской работы немецкой гражданской администрации округа, была белорусская национальная идея, реализация которой осуществлялась в националистическом формате в контексте политики «белорусизации». Фактически при непосредственном участии идеологов и пропагандистов немецкой гражданской администрации округа во главе с В. Кубе произошла подмена понятий «национальное» и «националистическое», так как истинной подоплекой категории «белорусизации» был национализм как таковой. «Белорусская национальная идея в интерпретации автора политики “белорусизации” В. Кубе представляла собой, по сути, декларацию квазигосударственности как формы оккупационной политики и пропаганды. Впоследствии, в 1944 г., она была реализована в форме т.н. Белорусской Центральной Рады (БЦР) и ряда общественных организаций – “Белорусской народной самопомощи” (1941 г.), “Белорусской Рады доверия” (1943 г.), “Белорусской краевой обороны” (1944 г.) и др. Кубе разрешил использовать национальные символы Беларуси – бело-красно-белый флаг и герб “Пагоня”. Публичные высказывания Кубе относительно перспектив национального и государственного развития белорусского края доходили до того, что Генеральный округ Беларусь в будущем должен был “стать Отечеством для белорусского народа”», – отмечалось ранее [8, с. 82].

Одним из приоритетных направлений «белорусизации» стало формирование национального самосознания и национальной идентичности белорусов как основы для развития идеологии национализма впоследствии. Специфика исторического развития белорусского народа заключалась в том, что в течение длительного времени он пребывал в культурном и цивилизационном пространстве соседних держав – Речи Посполитой и Российской империи, периодически

подвергаясь при этом целенаправленной полонизации и русификации. Это отразилось на национальном самосознании белорусов, которые в большинстве своем к моменту вступления вермахта именовали себя «тугэйшыя», то есть «местные». Как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения привела к тому, что «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [9, л. 8]. Было отмечено также, что пассивные политические настроения белорусов обусловлены «низким национальным самосознанием» и «отсутствием национальной интеллигенции» [15, л. 248, 250].

Эти исторические особенности эволюции белорусского народа значительно минимизировали как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. Поэтому немецкая пропаганда по национальному вопросу на территории Генерального округа Беларусь велась с учетом этих обстоятельств. Стимулом для развития национального самосознания белорусов под контролем оккупационных властей стала апелляция к чувству обиды и ущербности. Как следствие, практическая реализация «белорусизации» воплотилась, с одной стороны, в актуализацию интереса местного населения к достижениям белорусской культуры, изучению белорусского языка, а с другой – в политику национализма и шовинизма. С санкции главы немецкой гражданской администрации уже в начале 1942 г. все этнические поляки, русские и евреи, проживавшие на территории округа, были объявлены «враждебными белорусскому народу элементами». В докладе «О школьном деле Беларуси», датированном 01.06.1942 г., говорится: «Российская интеллигенция, которая осталась в Беларуси после Царской России, стремится расширить здесь влияние “единой и неделимой России” как мощного государства» [6, л. 6]. Если русским и полякам ставили в вину политику русификации и полонизации, проводившуюся на земле Беларуси в предшествующие исторические периоды, то евреев обвиняли в создании советского государства, захвате в нем ключевых постов в управлении. Более того, именно евреев обвиняли в развязывании второй мировой войны, стремлении осуществить т.н. «мировую революцию» и установить свою власть во всем мире. Подчеркивалось, что именно евреи составляют основное число «бандитов» <в немецкой трактовке партизан> и виноваты в репрессивной политике немецких властей, которую они осуществляют в отношении местного населения в районах их наибольшей активности. Утверждалось, что именно евреи, составлявшие верхушку советского партийного руководства БССР в довоенный период, несут ответственность за политику русификации и ущемления национальных интересов белорусов. Фактически, вся эта агрессивная риторика должна была легитимировать ежедневную практику холокоста и вызвать заинтересованность в ее проведении со стороны местного населения.

Генеральный комиссар округа санкционировал запрет польского и русского языка на территории округа в официальном делопроизводстве и повсе-

дневном общении. «Если в западных областях Беларуси поляки стремились искоренить белорусов как нацию, то в восточных этого добивались большевики», – аргументировал свою позицию Кубе [10, л. 9–10]. Как следствие, поляков стали выводить из состава местной администрации; претерпели гонения и представители католической церкви. Антипольский курс выразился в обвинениях этнических поляков в сотрудничестве с партизанами. Как сообщали польские источники в июне 1942 г., «отношение белорусского национализма к полякам явно враждебное». Источники сообщают также о фактах арестов и расстрелов поляков по доносам представителей местной белорусской администрации и полиции [25, л. 11–25]. Таким образом, дискриминация одного из наиболее многочисленных этнических элементов населения округа выступала неотъемлемой частью политики «белорусизации», а фактически была направлена на разжигание чувств национальной вражды и ненависти.

Усилия Кубе на поприще «белорусизации» были столь активны, что до сих пор вызывают неоднозначные оценки историков. Некоторые из них склонны видеть в его политике какие-то искренние мотивы, направленные на возрождение белорусского языка и культуры. Показательно в этом смысле мнение исследователя Л.М. Лыча: «Несмотря на господство среди высшего руководства Германии взгляда на Беларусь как на какую-то национально не оформленную территорию, В. Кубе с первых дней оккупации считал ее коренное население самобытным народом и по возможности способствовал оживлению в нем национального начала, прежде всего, через образование, развитие традиционной культуры, повышение роли белорусского языка» [23, с. 37].

Сложно согласиться с этим мнением. Ведь формирование национального самосознания, любви к истории и культуре Беларуси шло, с одной стороны, через акцентуацию значимости белорусского языка, историко-культурного наследия Беларуси, с другой стороны, через привитие идеи о виновности представителей польского, русского, еврейского народов в национальном упадке Беларуси. Манипуляции с проблематикой в области белорусской национальной идеи вылились в систему антисемитских, русофобских и антипольских публикаций на страницах оккупационных изданий. Например, в сентябре 1942 г. «Менская газета» писала: «Интересы жидов и нежидов – несовместимы, жидовская этика и мораль не должны отравлять другие нации, жидам вообще нет места среди нас» [11, л. 7]. А антипольская кампания, развязанная весной 1942 г., также получила масштабную идеологическую поддержку в оккупационных изданиях. Ее началу послужила статья Вильгельма Кубе в «Minsker Zeitung» (№ 69), в которой поляки были причислены к давним врагам белорусского народа и названы «народом горделивых тунеядцев».

Воспитание национальных чувств реализовывалось через отрицание значимости иных культур и формирование образа врага, в качестве которого выступали Польша и Россия. Показательна в этом смысле цитата из статьи «Давайте уважать свою культуру!» представителя белорусского коллаборационизма Г. Залуцкого: «Сквозь века и лихолетья шел наш бе-

лорусский народ, подвергаясь грабежу то со стороны поляков, то москалей. Но ни грубое обмоскаливание, ни шляхетское ополячивание не сломали души белоруса, не уничтожили нас как народ, как нацию» [21].

Белорусский национальный вопрос постоянно актуализировал и теоретически обосновывал сам глава округа В. Кубе. В своих публичных выступлениях, в том числе со страниц оккупационных изданий, он декларировал уникальность, самобытность белорусского этноса, его культуры и языка, подчеркивая то негативное влияние, которое оказали на его развитие соседние страны и народы. В первую годовщину «освобождения Беларуси» в «Беларускай газэце» вышла его статья под названием «Год борьбы против красной нечисти». В ней автор утверждал, что «Беларусь национально и исторически не имеет ничего общего с Москвой», что в восемнадцатом столетии белорусы «сменили польское ярмо на русское рабство». «Белый или красный царь – всегда это было этнически чуждое господство и закрепощение белорусов». Кубе призывал белорусов осознать, что настало время для «принятия исторического решения» и приступить к выполнению задач, определенных «фюрером». «Беларусь больше не будет форпостом для нападений красных властителей на Европу, а станет границей Новой Европы против степного духа москалей». Следуя логике этой публикации, белорусы должны были связать свое национальное и политическое будущее с национал-социалистической Германией [22].

В контексте политики «белорусизации» в 1943 году была проведена пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В ней обосновывался тезис о том, что по своему этническому происхождению белорусы стоят на более высокой ступени, чем русские. «Белорусы, а вместе с ними украинцы, имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием», – утверждали авторы теории [12, л. 90]. Из чего делался вывод о том, что это дальше, «кровное родство» открывало перспективы для вхождения Беларуси в состав «Новой Европы». В одном из публичных обращений по случаю учреждения очередного коллаборационистского органа – «Союза белорусской молодежи» – Кубе в июне 1943 г. заявил: «Белорусский народ на протяжении сотен лет своей истории находился в тени своих могущественных соседей. Однако тот факт, что в течение этого времени в нем сохранилась белорусскость, свидетельствует о самобытной силе этого упорного крестьянского народа. В белорусском народе присутствует сравнительно большая часть нордической крови. Именно этот факт объясняет то, что белорусы не позволили себя уничтожить ни Польше, ни насильственному царскому господству, ни кровавому большевистскому террору» [20].

Акцентуация белорусского вопроса приобрела форму заявлений о создании белорусских органов власти и рассуждений о «перспективах» государственного строительства. На совещании в Генеральном комиссариате, проходившем в Минске в апреле 1943 г., Кубе заявил: «Я хотел бы дать белорусам Радугу Доверия. Мы достаточно сильны, чтобы позволить такую раду и сделать основанием ее существования умение на практике осуществлять административные

полномочия в немецких интересах.... Если во всех областях нам удастся привлечь <белорусский> народ к сотрудничеству, то мы тем самым облегчим свою задачу. Если белорусы будут на стороне Германии сознательно и по убеждению, то... только тогда у нас вообще есть будущее на этой земле, тогда мы сможем что-то выжать из этого народа» [17, с. 103–111]. Приведенная цитата показывает, что главой немецкой администрации двигали сугубо утилитарные цели. Играв на национальных чувствах белорусов, обещая им создание представительских, а по сути квазигосударственных органов власти, он рассчитывал завоевать симпатии и доверие белорусского народа. С их помощью планировалось осуществлять хозяйственную эксплуатацию данной территории, не прибегая к дополнительным административным и полицейским мерам.

Невозможно было развить национализм, не устранив при этом идеологию интернационализма, равенства, солидарности. «Работа по распространению и привитию идей нацизма началась в школах, общественных организациях, на предприятиях, среди сельского населения. Уничтожить “дух большевизма”, “избавить народ от коммунистического яда” – стали одними из главных целей деятельности школ, отделов пропаганды и политики», – отмечалось автором ранее [14, с. 172]. В 1942 году на территории округа были учреждены филиалы НСДАП [13, л. 36]. Борьба с коммунистической идеологией, которая вылилась в категорическое отрицание всего советского опыта, дискредитацию советских политических ценностей и убеждений, стала второй важнейшей составляющей идейно-политической деятельности немецких властей. В основу нового образа будущего был положен миф о т.н. «Новой Европе».

Пропагандистский проект по созданию «объединенной Европы» был рассчитан на привлечение представителей разных социальных групп – и творческой интеллигенции, и простых рабочих и крестьян. Для каждой из социальных категорий населения были заготовлены свои идеологические клише и штампы. Миф о «Новой Европе» был построен на пропаганде преимуществ национал-социализма как особой, принципиально новой, социально-политической системы. Белорусскую интеллигенцию должна была привлечь возможность реализации национальной идеи по созданию государственности под протекторатом Германии, а потенциальным белорусским оstarбайтерам обещали привлекательные условия жизни и труда в «рейхе». При этом немецкие пропагандисты сравнивали советскую и германскую модели общественного устройства, приводя доказательства несостоятельности первой и преимущества второй. Образ идеальной, привлекательной для жизни рядового обывателя Германии создавался через устные выступления пропагандистов-референтов, радиопередачи, публикации в газетах. Практиковались даже «экскурсии» белорусских крестьян и рабочих для знакомства с условиями жизни в нацистском «рейхе», по итогам которых проходили пропагандистские акции. Подчеркивалось, что этот сказочный образ мог стать «реальностью» для белорусов в случае добровольной вербовки и отправки в «рейх». При этом пропаганда преследовала две

цели. Помимо решения вопроса об увеличении поставок на предприятия «рейха» рабочих кадров с Востока, она была нацелена на создание в тылу вермахта социальной опоры «нового порядка» в лице националистических сил. Чтобы создать надежную коллаборационистскую сеть, мало было пообещать равную оплату за труд и привлекательные социальные условия жизни и труда в «рейхе». Следовало убедить белорусское население в реальности «проектов» Кубе по вхождению Беларуси в состав «Новой Европы». Прочитируем содержание одной из листовок: «Белорусы и белоруски! Европа зовет вас на работу в Германию. 25 лет вы были заложниками советской системы. Вас мучили в колхозах и совхозах, на принудительных работах в Сибири. Но теперь Вас призывает к борьбе Европа! Объединяйтесь в европейский фронт борьбы! Ваш лозунг: борьба с большевизмом и его жидовскими прислужниками! Работа для Европы – это возрождение Беларуси! Свобода европейских народов в объединенной Европе – это наилучшая цель!» [3, с. 134]. Понятие «Новой Европы» стало своего рода агитационным штампом и широко использовалось в пропагандистских материалах, адресованных как потенциальным белорусским оstarбайтерам, так и белорусской интеллигенции, ставшей основным источником формирования коллаборационизма. В. Кубе неоднократно обращался к теме «Новой Европы» в своих публичных выступлениях. Например, в июле 1942 года он заявил, что белорусский народ обретет «европейскую жизнь и европейскую свободу» только в союзе с национал-социалистической Германией [16, л. 5].

Таким образом, две главные идеологические и ценностные составляющие нацистской пропаганды на Востоке – национализм и национал-социализм – дополняли друг друга и были тесно взаимосвязаны. Формирование новой националистически ориентированной белорусской ментальности предполагало отрицание прежних культурных и исторических связей с соседними странами и народами, с одной стороны, и создание политических настроений и ожиданий, связанных с образом «Новой Европы», с другой стороны. На смену прежним ценностям равенства, справедливости, солидарности пришли идеи исключительности и превосходства одних народов и ущербности и виновности других. Новая система политических ценностей, навязываемых германской пропагандой, должна была сформировать чувства национальной исключительности и превосходства, обусловить стремление национально и националистически ориентированной интеллигенции к сотрудничеству с оккупационными властями. Новая белорусская ментальность должна была быть построена на отождествлении себя с Западным миром и призрачными проектами по обретению собственной государственности под протекторатом национал-социалистической Германии.

Литература и источники

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. – Минск, 2005. – 544 с.
2. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. – Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. – 352 с.

3. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы : в 2 книгах / составитель Г. Д. Кнатыко, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 1997. – Кн. 2. – 304 с.
4. Бернев, С. К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бернев Станислав Константинович. – Санкт-Петербург, 2008. – 36 с.
5. Бимбасов, Р. Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) / Р. Г. Бимбасов. – DOI:10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 361–373.
6. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 688. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.
7. Ивлев, И. А. Оружием контрпропаганды Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР 1941–1944 гг. / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. – Москва, 1988. – 234 с.
8. Мамаева, Т. П. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь / Т. П. Мамаева, Е. А. Пушкаренко // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 80–88. – URL: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88> (дата обращения: 05.04.2024). – Текст : электронный.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 411. Л. 8.
10. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.
11. НАРБ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
12. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355. Л. 90.
13. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
14. Пушкаренко, Е. А. Антисоветская пропаганда немецких властей на оккупированной советской территории СССР (на материалах Генерального округа Беларусь) / Е. А. Пушкаренко. – DOI: 10.17223/15617793/471/20 // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 170–174.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56. Л. 248, 250.
16. РГВА. Ф. 1363к. Оп. 5. Д. 67. Л. 5.
17. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года) / автор-составитель С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова. – Минск : МГЛУ, 2006. – С. 103–111.
18. Филоненко, М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Филоненко Михаил Иванович. – Воронеж, 2006. – 40 с.
19. Шлоотц, Й. Немецкая пропаганда в Беларуси, 1941–1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью: Выставка в Берлине, Минске и Москве / Й. Шлоотц. – Берлин, 1997. – 80 с.
20. Голас вёскі. – 1943. – 29 чэрвеня.
21. Залуцкі, Р. Шануйма сваю культуру! / Р. Залуцкі // Голас вёскі. – 1942. – 7 верасня.
22. Кубэ, В. Год змаганьня супроць чырвонае пошасьці / В. Кубэ // Беларуская газета. – 1942. – 22 чэрвеня.
23. Лыч, Л. Нацыянальна – культурнае жыццё Беларусі на тэрыторыі функцыянавання нямецкага акупацыйнага рэжыму (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.) / Л. Лыч. – Мінск, 2011. – 334 с.
24. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск, 1993. – 236 с.
25. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25.
26. Quinkert, B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen / B. Quinkert. – Paderborn : F. Schöningh, 2009. – 345 s.

E.A. Pushkarenko

NAZI PROPAGANDA ON THE TERRITORY OF THE GENERAL DISTRICT OF BELARUS IN 1941–1944: IDEOLOGY AND VALUE ASPECTS

The article examines the problem of ideological and value foundations of Nazi propaganda in the occupied Soviet territory on the example of the General District of Belarus, 1941–1944. They were based on nationalism, National Socialism, Russophobia and anti-Semitism.

Nazi propaganda, political values, nationalism, anti-Semitism, Russophobia, the General District of Belarus, the Great Patriotic War.